

ВЕРА ЛУРЬЕ: ПОЭТЕССА И ОЧЕВИДИЦА НАШЕГО ВЕКА

Михаэла Бёмиг

Вера Осиповна Лурье родилась в Петербурге в 1901 году и осенью 1921 года переехала в Берлин. Она начала писать стихи еще в России, где принимала участие в поэтическом кружке Н. Гумилева “Звучащая раковина”. В Берлине она общалась с выдающимися представителями русской культурной жизни, как Андрей Белый, Илья Эренбург, Владислав Ходасевич и Алексей Ремизов, и публиковала ряд стихотворений, рецензий и критических статей в разных газетах и журналах (“Голос России”, “Дни”, “Новая русская книга” и др.). После 1923 года, когда русские покинули немецкую столицу, она долгое время молчала.

Как имя большинства писателей русского зарубежья младшего поколения, и ее имя было известно только узкому кругу специалистов. Только во второй половине 50-х годов были опубликованы ее берлинские воспоминания и несколько стихотворений (“Русская мысль” 1956-58). В 1990 году вышли отрывки из ее воспоминаний о юности в Петербурге и Берлине (“Континент”).

Начиная с конца 80-х годов, и ее поэтическое творчество стало привлекать внимание исследователей. В 1987 году вышло в Берлине собрание ее поэтического наследия под заглавием *Стихотворения*, которое представляет собой подбор из пяти тетрадей 1920-83 годов.

Мы обратились с несколькими вопросами к Вере Лурье, поэтессе и свидетельнице довольно короткого, но блестящего периода в культурной жизни русского зарубежья, так называемого «Русского Берлина». Наша беседа разделяется на две части: первая посвящается “Русскому Берлину”, а вторая поэтическому творчеству Веры Лурье.

Вера Осиповна, скажите, пожалуйста, где были опубликованы Ваши воспоминания?

Мои воспоминания полностью нигде не напечатаны. Единственное, касающееся русской литературы в Берлине, написали в “Континентах” в русском переводе и также в Таджикистане, в журнале “Памир”. В данное время я ожидаю, что перевод моих воспоминаний на русский язык полностью выйдет в Петербурге.

Какое было Ваше первое или самое сильное впечатление, когда Вы из Петрограда, из Вашего ‘тихого’, ‘белого’ города, как Вы пишете в стихотворении Город (1921-22), прибыли сначала в Ригу, а потом в немецкую столицу с ее асфальтовыми, черными улицами и серыми домами?

Когда мы покинули Советский Союз, мы покинули его как латвийские подданные. Поэтому мы попали первым делом в Ригу. В Риге меня поразило количество продуктов, но кроме того, страшнейшая скука. Я была счастлива, когда мы покинули ее и наконец я попала в Берлин. В Берлине мне не было скучно. Берлин был интересный и большой город. Конечно, я себя чувствовала чужой, у меня еще не было никаких знакомств и первое, довольно долгое время у меня была тоска по Родине, тоска по Неве, по прогулкам, по улицам, прорастающим травой весной.

Период расцвета русской культуры в Берлине первой половины 20-х годов условно называется «Русский Берлин». Это сочетание слов какие вызывает у Вас размышления?

Сочетание слов “Русский Берлин” было вполне понятно. Здесь находилась значительная часть первой русской эмиграции: были кафе, рестораны, газеты, издательства, театры, “Синяя птица”,¹ все, что угодно и, главное, бесконечные разговоры на улицах на русском языке. Поэтому ходил даже такой анекдот: “Немец шел по Tauentzienstrasse, повернулся, поглядел назад и сказал: — Какая у меня тоска по моей Родине!”

Кто были жители “Русского Берлина”? Как и чем они жили? Вы не можете кратко описать их ежедневную жизнь или рассказать характерный эпизод из Вашего опыта?

В “Русском Берлине” в то время находилось очень много русской аристократии: помещиков, офицеров и т. п. Кроме, конечно, литературной публики, художников, писателей, музыкантов. Чем занималось в среднем население? Аристократы пошли главным образом в шоферы такси и в кельнеры, официанты, которые подавали в русских ресторанах. Женщины подавали в кафе, они сервировали. У очень многих были собственные магазины, собственные кафе, где можно было покупать. Были книжные магазины, которые принадлежали русским. Были библиотеки русские, там выдавали книги. Писатели писали, в газетах очень многие работали. Так проходило время у русской эмиграции.

В Берлине начала 20-х годов кипела очень богатая культурная жизнь по образцу петербургской культурной жизни предреволюционных годов и первых лет после революции. Вы помните особенно важное событие в русской жизни тех лет (литературный вечер, выставку, театральный спектакль, концерт)?

Об отдельных эпизодах мне сейчас трудно вспомнить, так как с тех пор, что это было и что я это пережила, прошло свыше семидесяти лет. Но единственное, о ком у меня осталась ясная память, это — немецкие хозяйки. Немецкие хозяйки всячески использовали русскую публику, которая снимала квартиры или комнаты. В то время эмигранты не имели право иметь собственных квартир. Поэтому, мы часто меняли квартиры и жили вместе с хозяевами. Тут у меня остался действительно забавный эпизод в памяти. Хозяйки — это были две сестры. Они были не замужем и сдавали они половину квартиры. Только в известные часы мы имели право брать горячую воду из ванной комнаты, находящейся в их половине квартиры. Затем они заявили моему отцу, что моя мать в мыслях их презирает. На что мой отец ответил, что мысли вольные, можно думать, что хочешь. Моей сестре — она была девочкой лет четырнадцати — не позволяли говорить по телефону, подходили и отнимали у нее телефонную трубку.

Очень быстро по приезде в Берлин я попала в так называемый “Дом искусств”.² Это происходило в кафе, где каждую неделю устраивали литературные вечера. Называлось это “Домом искусств” в честь, или в память петербургскому “Дому искусств”. Заведовал литературными вечерами поэт Минский. Я пришла первый раз и прочла доклад о русском “Цехе поэтов” и о “Звучащей раковине”. “Звучащая раковина” была кружком вокруг Гумилева. Когда я прочла этот доклад, я читала свои стихи, написанные еще в Петербурге. Ко мне подошел Белый и

сказал мне: “Ваши стихи мне понравились и я охотно взял бы их в свой журнал, который я редактирую”. Это произвело на меня очень сильное впечатление, так как Белый был огромная литературная величина, а я же была в общем ничто, только начинающая маленькая поэтесса.

Раз произошла со мной очень большая неприятность. Писатель Илья Эренбург встречал своих знакомых каждый вечер в кафе Prager Diele на Prager Platz.³ Я тоже всегда туда ходила, так как дружила с Эренбургами. Я работала в газете “Дни” и писала рецензии о книгах и написала очень критикующую рецензию о поэме Есенина *Пугачев*.⁴ В один прекрасный вечер Эренбург подвел меня к столику и сказал: “Вот, познакомьтесь: это Сергей Есенин”. Есенин улыбнулся и сказал: “Это совсем несправедливо, то что вы обо мне написали”. Мне было так стыдно, что этого вечера забыть мне трудно.

У Вас было много знакомых и близких друзей среди русских поэтов, художников и литераторов в Берлине. Вы общались с А. Белым, В. Ходасевичем, Н. Берберовой, А. Ремизовым и его женой, с И. Эренбургом и его женой, художницей Л. Козинцевой, с М. Осоргиным, А. Бахрахом, Г. Ивановым и его женой И. Одоевцевой, с Альтманом, М. Цветаевой и многими другими, которых Вы упоминаете с своих стихотворениях и которым Вы посвящаете свои стихи. Что Вы хотите сказать о них или кого из них Вы хотите особенно упомянуть?

Я действительно встречалась с очень многими литераторами, художниками, писателями. Я бы сказала, что из них, конечно, самая интересная встреча была — Андрей Белый. С Андреем Белым я была в большой дружбе. Я ходила к нему в пансион, где он жил, приготавлила ему чай, штопала его носки. Вообще я часто была при нем. Когда он поехал в Swinemünde, поехала за ним в Swinemünde, когда он был в Zossen’e, посещала его в Zossen’e. Он мне читал свои произведения, над которыми он работал, например, *Воспоминания о Блоке*, переделанный *Петербург*, и так далее. Кстати, он мне прочел *Глоссолалию*, совершенно непонятную книгу. Но, так как он мне ее объяснил, то я написала на нее рецензию и люди очень удивлялись, что девочка двадцати лет смогла вообще понять и написать об этой книге рецензию.⁵

Кроме Белого, я была в большой дружбе с Эренбургом и его женой. Так как один раз сделали в газете ошибку и подписали мое имя не Вера Лурье, а Вл. Лурье, что получилось сокращением от Владимира, с тех пор Эренбурги стали меня называть Володей. Я бывала вечером в Prager Diele, выходила вместе с Эренбургами в Schwanecke. Это был ре-

сторон, куда приходили немецкие писатели: я там познакомилась с Леонардом Франком, с Толлером, с Эггебрехтом. Кроме Эренбургов, я была еще в очень хороших отношениях со своим редактором из газеты “Дни”, Осоргиным. Я приходила в его пансион, его жена уходила куда-то, мне оставлялся ключ и я проводила с ним целые вечера.

По каким причинам Вы остались в Германии после конца «Русского Берлина», когда русские и большинство Ваших друзей и знакомых разъехались по разным странам мира?

Уехать в Париж, когда уехали мои знакомые, мне не удалось. Из моих знакомых мне никто не хотел помочь попасть в Париж ввиду того, что я жила с родителями и мои знакомые боялись, что будучи одна я не смогу найти себе работы для существования, а в Берлине моя жизнь была устроена.

* * *

А теперь, уважаемая Вера Осиповна, обратимся к Вашему поэтическому творчеству. Скажите, пожалуйста, какое значение имеют для Вас акмеизм и, в особенности, Н. Гумилев.

Акмеизм собственно меня не особенно интересовал. Только ввиду того, что я ученица Гумилева, он отложил отпечаток на моих собственных стихах и я считаю, что мои стихи принадлежат, в общем, к акмеизму.

Сам Гумилев сыграл большую роль в моей жизни. Первое, он научил меня писать стихи, так как я ведь не имела понятия о технике писания стихов. Мне хотелось писать стихи, но я не знала ни формы, ни размеров. Он всему этому меня научил. У нас было такое правило: все читали свои стихи во время студийной работы. Это критиковалось, и он последний говорил свое мнение. Таким образом, я понимала, какое стихотворение лучше, какое хуже. Кроме такой работы, мы были в очень дружеских отношениях: мы совершали прогулки совместные на берегах Невы, иногда вечера...

Главные мотивы в Ваших стихотворениях — одиночество, неосуществленная и, может быть, неосуществимая любовь и невозвратимо ушедшее светлое прошлое, которое можно восстановить только в воображении или сновидении. Это — отражение личного переживания, или метафорическое преобразование Берлинской реальности тех лет,

или выражение свойственной большинству эмигрантской литературы ностальгии, или отблеск более обширных философских проблем, или все это вместе?

Мне кажется, что тоска и неудовлетворенная любовь являются в моих стихах по разным причинам. Во первых, обыкновенно я писала стихи, когда я была расстроена, т. е. когда была какая-то неудачная любовь, неотчетливая любовь, и в то время, когда я себя считала несчастной. К этому прибавлялись, вероятно, и воспоминания прошлого и ностальгия. Таким образом, мне кажется очень типично мое стихотворение *Павловск, дача*,⁶ мои стихи о любви. Вообще мне кажется, что в жизни моей самую большую роль играла любовь, и любовь эта была всегда очень сильная и она как-то создала и меня и мою литературу.

Вы предпочитаете довольно традиционные формы стихосложения. Среди Ваших стихотворений 1921-24 гг. можно найти даже несколько сонетов (Шуточный сонет, Сонет, Ни золото, ни матовость жемчуг...). Это сознательный выбор, в котором можно также видеть своего рода ностальгию?

Мои стихи о любви относились к любви, т. е. к неудачной, к несчастной любви, к тому, что я должна была покинуть кого-либо, и они с ностальгией ничего общего не имели. Стихи, которые я писала о городе, о Петербурге, о встречах в России, они, конечно, были вызваны ностальгией. А веселые стихи были вообще ничем, кроме хорошего настроения, не вызваны.

Я написала, я сказала то что могла. Надеюсь, что Вам этого хватит и Вас удовлетворит.

Рим-Берлин, лето 1995 г.

¹ О "Синей птице" см.: M. Böhmig, *Das russische Theater in Berlin 1919-1931*. München 1990, стр. 101-130.

² О берлинском "Доме искусств" см.: Th. R. Beyer, *The House of the Arts and the Writer's Club*. Berlin 1921-1923, в кн.: Th. R. Beyer, G. Kratz, X. Werner, *Russische Autoren und Verlage in Berlin nach dem Ersten Weltkrieg*, Berlin 1987, стр. 9-38; см. также Р. Гуль, *Я унес Россию. Апология Эмиграции*. т. 1. "Россия в Германии", Нью Йорк 1984, стр. 152-157.

³ См.: I. Ehrenburg, *Die russische Dichterkolonie im Café "Prager Diele" (1922-1923)*, в журн. "Die literarische Welt" 1926, 2, стр. 5-6.

⁴ В газете "Дни" мне не удалось найти рецензию о поэме Есенина *Пугачев*, и сама Вера Лурье, в ответ на мой вопрос, не смогла указать более точные данные.

⁵ См.: В. Лурье, *Андрей Белый, Глоссолалия*, в газете "Дни" 12. 11. 1922.

⁶ *Павловск, дача, вокзала платформа*, в журн. "Русская мысль" 1180 (1 марта 1958 г.), стр. 5; теперь в кн.: V. Lourié, *Stichotvorenija. Poems*. Berlin 1987, стр. 183.

БИБЛИОГРАФИЯ

Lourié V.

1987 *Stichotvorenija. Poems*. Ed. and with an Introduction by Th. R. Beyer. Berlin, Verlag Arno Spitz, 1987.

Beyer Th. R.

1984 *Es war, es ist: Vera Lourié – eine Dichterin in Berlin.*— Rhein-Neckar-Zeitung, 22-23 Dezember 1984.

Hinrichs P.

1992 *Vera Lourié.* — In: P. Hinrichs, *Verbannte Muse. Zehn Essays über russische Lyriker der Emigration*. München, Verlag Otto Sagner, 1992.

Kasack W.

1989 *Vera Lur'e: Stichotvorenija.* — *Osteuropa* (1989), 2-3.

Liebermann D.

1991 *Das russische Berlin.* — *Berliner Zeitung*, 4. 5. 1991.

Röhling H.

1991 *Auseinandersetzung mit dem Tod. Zu Vera Louriés Gedichten über Gumilev.*— In: Georg Mayer zum 60. Geburtstag, hrsg. von U. Bieber, A. Woldan, München, Verlag Otto Sagner, 1991.

Штейн Е.

1984 *Хранительница прошлого.* — *Новый Американец*, 30. 8. 1984.

1988 *История книги длиною в жизнь.* — *Континент* 56 (1988).

